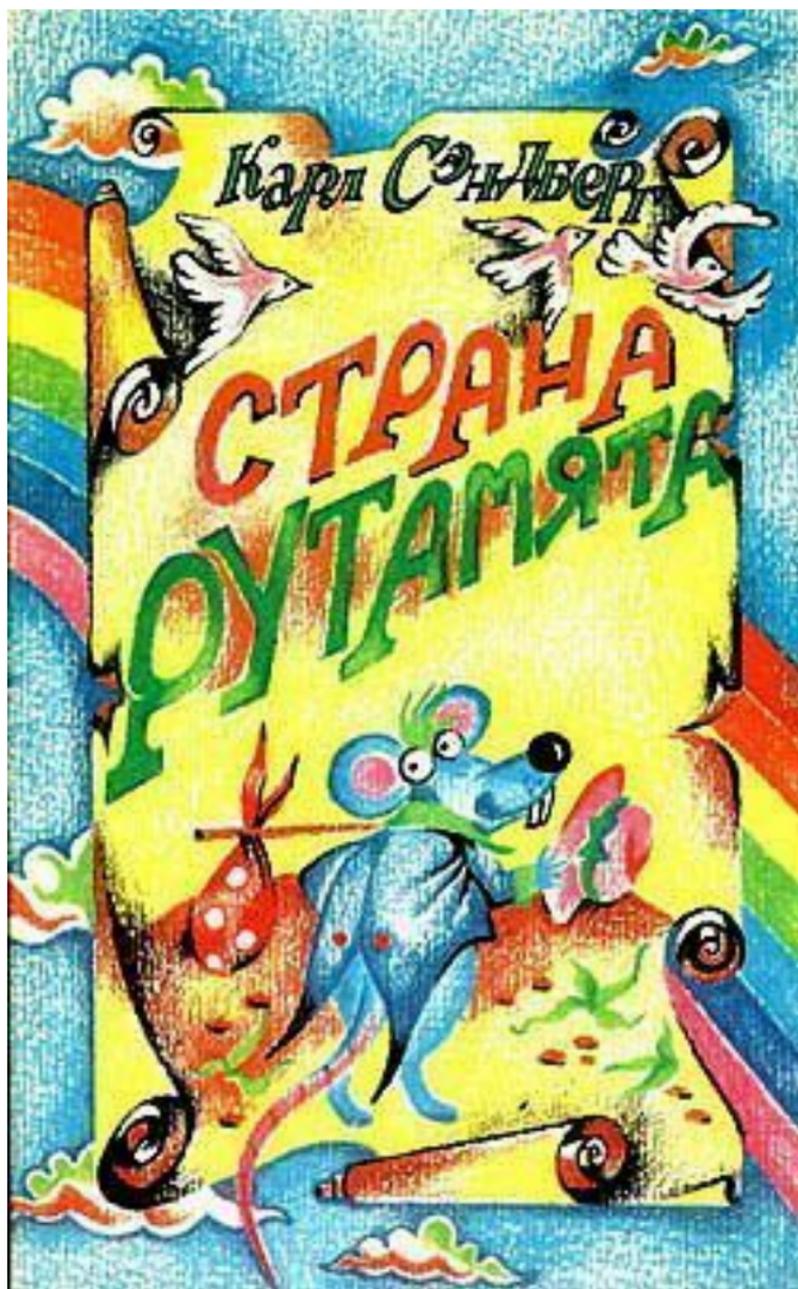

Карл Сэндберг

СТРАНА
РУТАМЯТА

Карл Август Сэндберг Страна Рутамьята

OCR Busya; Вычитка – KLex

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156822

Карл Сэндберг «Страна Рутамьята»: Производственное редакционно-издательское предприятие «Два слона»; Одесса; 1994

Аннотация

Если в наши тяжелые дни в вас осталось еще чувство юмора, садитесь и читайте. Если в вас его становится все меньше и меньше, садитесь и читайте, может быть, эта книга его вам прибавит. Если его в вас нет совсем, садитесь и читайте, может быть, оно появится.

Содержание

Несколько слов об этой книге и ее авторе	6
ЧАСТЬ I. ИСТОРИИ СТРАНЫ РУТАМЯТЫ	8
1. Три истории о том, как нашли скрюченную железную дорогу, поросят в слюнявчиках, свежеиспеченных цирковых клоунов, Печенка-с-луком-сити и Крем-Торт-таун	11
2. Пять историй о слепом Носе-Картошкой	32
3. Три истории о золотистом замшевом притягуче	48
4. Четыре истории о трагической тайне темной тропы	64
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Карл Сэндберг

Страна Рутамята

Carl Sandburg ROOTABAGA STORIES

Семейная библиотека

Серия «Литературная сказка»

Перевела с английского Ольга Бухина

Рисовала Любовь Шаханова

Несколько слов об этой книге и ее авторе

*«Карл Сэндберг более чем голос Америки, более
чем поэт ее мощи и гения.*

Он был сама Америка»

Линдон Джонсон

Карл Сэндберг родился 6 января 1878 года в США, в семье эмигрантов из Швеции. Его отец был привезен родителями в возрасте 10 лет, мать приехала, когда ей было 23 года. Они поженились в 1874 году и у них было семеро детей. Карл, старший из сыновей, был вторым ребенком. Хотя семья была бедной, детство его было счастливым. Он окончил школу в 1891 году, потом работал продавцом молока, а в 18 лет перебрался в Чикаго. Учился в колледже, где не только был капитаном баскетбольной команды, но и редактором ежегодного сборника. Первая публикация – «В безрассудном восторге» была напечатана в 50 экземплярах его профессором. Он отдал дань «передовым» идеям, вступив в социал-демократическую партию в 1907 году и активно обличал капитализм. В 1908 году он женился на Лилиан Стейнхен, эмигрантке из Люксембурга. У них было три дочери. В Чикаго Карл работал в «Чикаго Дейли Ньюс», писал стихи, собирал материалы о жизни президента Линкольна. Книги о

Линкольне – «Ранние годы» и «Годы войны» – многотомные монографии занимают в его творчестве не меньшее место, чем стихи и поэмы.

Из историй, которые он рассказывал своим детям сложилась «Страна Рутамята», вышедшая в 1922 году. Она постоянно переиздается в США. До самой смерти, последовавшей 22 июля 1967 года после тяжелого сердечного приступа, его творческая активность не угасала. Карла Сэндберга мало знают в России, но мы уверены, что эту его единственную книгу для детей полюбят и наши читатели.

Издатели

Для младшего и любого другого возраста

ЧАСТЬ I. ИСТОРИИ СТРАНЫ РУТАМЯТЫ

**1. Три истории о том, как
нашли скрюченную железную
дорогу, поросят в слюнявчиках,
свежеиспеченных цирковых
клоунов, Печенка-с-луком-
сити и Крем-Торт-таун**

**КАК УДАЛОСЬ ПОПАСТЬ
В СТРАНУ РУТАМЯТУ**

Давай-Приставай жил в самом, что ни на есть, обыкновенном доме.

«Труба на крыше, дым из трубы. Потянешь за ручку, дверь распахнется. Хочешь, окно открыто, хочешь, закрыто. Хочешь,ходишь в дом, хочешь, выходишь. Все, что ни на есть, самое обыкновенное!»

Он думал, думал и надумал: пусть дети сами дадут себе имена.

«Что они первое скажут, когда научатся говорить, то и станет их именем, – решил он. – Пусть они сами себя назовут».

Когда в доме Давай-Приставая появился первый мальчик, его назвали Давай-Давай. Когда появилась первая девочка, ее назвали Ко-мне-не-приставай.

По ночам в их глазах отражались тени долин, а на рассвете – первые лучи восходящего солнца. Волосы торчали у них на макушках как полевая трава, и им нравилось повернуть ручку, распахнуть дверь и выбежать из дома, чтобы ветер расчесывал им волосы, протирал глаза и прикасался ко лбу шестью ласковыми пальцами. В доме больше не появлялось ни мальчиков, ни девочек, и Давай-Приставай сказал сам себе: «Первый сын стал последним, последняя дочь стала первой, а имена они придумали себе сами». Давай-Давай рос и становился все любопытней, Ко-мне-не-приставай росла и становилась все любопытней. Они еще жили в самом, что ни на есть, обыкновенном доме и научились говорить, ну прямо

как отец: «Труба на крыше, дым из трубы. Потянешь за ручку дверь распахнется. Хочешь, окно открыто, хочешь, закрыто. Хочешь,ходишь в дом, хочешь, выходишь. Все, что ни на есть, самое обыкновенное!»

Если на завтрак была яичница, то в пору вечерней прохлады они задавали друг дружке вопросы: «Кто это, да что это? Где оно, да сколько его? Отвечай скорей!»

«На одном месте слишком долго засиживаться не годится», – сказал старик что надо, Давай-Приставай.

Давай-Давай и Ко-мне-не-приставай, сынок что надо и дочка что надо Давай-Приставая, ответили хором: «На одном месте *слишком* долго засиживаться не годится».

Они продали все, что имели: поросят, пастбища, перече- ницы и пилы, все, кроме дорожных мешков и кое-каких мелочей.

Увидев, что они продали все, что имели, соседи закричали наперебой: «Они собираются в Канзас, в Кокомо, в Канаду, в Канакее, в Каламозо, на Камчатку, в Катачухе».

Один сопляк, до того нелюбопытный, что и на нос варежку натянул, усмехнулся разок-другой, прикрывшись шляпой, и сказал: «Они собираются на луну, но и там у них будет все, что ни на есть, самое обыкновенное».

Чуток наличных, вырученных при продаже всего, что у них было: поросят, пастбищ, перече- ниц и пил, Давай-Приставай сложил в мешок, и как заправский старьевщик, повесил мешок за спину.

Он отправился на железнодорожную станцию вместе со своим старшим, младшим и единственным сыном Давай-Даваем и со своей старшей, младшей и единственной дочерью Ко-мне-не-приставай.

Как и положено, в окошке кассы сидел кассир и продавал билеты.

«Желаете билет туда и обратно или билет туда, а обратно *никогда?*» – спросил кассир, протирая спросонья глаза.

«Нам нужен билет туда, где рельсы уходят в небо, только туда, а обратно никогда – так далеко, как только возможно и еще в сто раз дальше», – вот что ответил Давай-Приставай.

«Так далеко? Так рано? Так скоро? – Тут кассир почти совсем проснулся. – Тогда я вам дам новый билет, его хватит надолго. Он длинный, блестящий, желтый и кожаный, с голубыми поперечными полосками».

Давай-Приставай поблагодарил кассира один раз, поблагодарил другой, а потом, вместо того, чтобы благодарить в третий, открыл мешок, вынул оттуда наличных чуток, вырученных от продажи поросят, пастбищ, перечниц и пил, и кассиру за билет заплатил.

Он один раз, другой и третий оглядел со всех сторон длинный, блестящий, желтый, кожаный билет с голубыми поперечными полосками, прежде чем сунуть его в карман.

Вместе с Давай-Даваем и Ко-мне-не-приставай он вошел в поезд, показал билет кондуктору, и они помчались туда, где рельсы уходят прямо в голубое небо и еще в сто раз дальше.

Поезд шел, шел и пришел туда, где рельсы уходят в голубое небо, и покатил еще дальше и дальше, чух-чух-чух, чух-чух-чух, чух-чух-чух.

Машинист иногда давал свисток. Кочегар иногда звонил в колокол. Иногда открывался клапан парового котла, и из трубы раздавалось: пуф-пуф, пуф-пуф, пуф-пуф. Но что бы ни происходило со свистком, колоколом и паровым котлом, поезд все шел и шел вперед, туда, где рельсы уходят в небо, и еще дальше, дальше и дальше.

Иногда Давай-Приставай совал руку в карман и вынимал оттуда длинный блестящий желтый кожаный билет с голубыми поперечными полосками.

«Ни египетские фараоны на своих верховых верблюдах, ни проворные, пугливые, пятнистые ящерки не неслись так быстро, как мы», – говорил он детям.

Вдруг что-то случилось. Навстречу им по тому же самому пути мчался другой поезд. Как же так – один с одной стороны, другой – с другой! Прямо навстречу друг другу. Вот они встретились – и разминулись.

«Что такое? Что случилось?» – закричали дети.

«Один поезд – над, другой – под, – ответил отец. – Это Надподландия. Никто не может оказаться там, где есть кто-нибудь еще и всегда будет либо над, либо под».

Тут они попали в страну собирателей воздушных шаров. С неба на таких тоненьких веревочках, что сразу и не заметишь, свисали воздушные шары урожая этого года. Все небо

было в шарах. Красные, голубые и желтые, белые, пурпурные и оранжевые, персиковые, арбузные и картофельные, рисовые и пшеничные, колбасные и котлетные воздушные шары плавали, заполняя все небо.

Собиратели воздушных шаров вышагивали на высоких ходулях. Ходули были у каждого, подлиннее или покороче. Ходули покороче годились для того, чтобы собирать шары поближе к земле, с длинных можно было дотянуться до тех, что повыше в небе.

Детишки на детских ходулях собирали детские воздушные шарики. Если с охапкой шариков в руках они падали с ходулей, то шарики держали их в воздухе, пока они не взбирались на ходули снова.

«А кто это взмыл в небо, как птичка поутру?» – спросила отца Ко-мне-не-приставай.

«Это кто-то, кто пел слишком весело», – ответил отец. – У него из горла вылетели все песни, и он стал таким легким, что шары оторвали его от ходулей».

«А он сможет вернуться назад к своим родным?»

«Да, когда допоеет все-все песни, и на душе у него станет так тяжело, что он камнем вниз полетит прямо на ходули».

Поезд мчался все дальше. Когда у машиниста было подходящее настроение, он давал свисток. Когда у кочегара было подходящее настроение, он звонил в колокол. А иногда из трубы парового котла вырывалось: пуф-пуф, пуф-пуф.

«Мы подъезжаем к той стране, откуда появляются цирко-

вые клоуны, – сказал детям Давай-Приставай. – Раскройте глаза пошире».

Тут они действительно широко раскрыли глаза. Города вокруг были полны печей, длинных и коротких, широких и узких-преузких. В каждой пеклись клоуны, высокие и низенькие, толстенные и коренастенные или тощие и длиннющие.

Всех свежеиспеченных клоунов вынимали из печи подсушить на солнышке. Их прислоняли к изгороди, и они стояли там, похожие на больших белых кукол с ярко-красными губами.

К каждому свежеиспеченному клоуну подходили двое. Один опрокидывал на него ведро белого огня. Другой ветряной помпой вдувал живой красный ветер прямо в красный рот.

Клоун протирает глаза, открывает рот, крутит шейю, двигал ушами, топал ногами, перепрыгивал через изгородь и начинались кувьрки и колеса, прыжки и сальто-мортале на посыпанной опилками арене у изгороди.

«Теперь уже скоро страна Рутамята, где столицей Печенка-с-луком-сити», – сказал Давай-Приставай, снова проверяя в кармане ли еще длинный, блестящий, желтый кожаный билет с голубыми поперечными полосками.

Поезд мчался и мчался, пока не кончился прямой путь, и тут дорога закрутилась и закружилась, и все крюком и кругом, крюком и кругом.

Дорога и рельсы, шпалы и болты из прямых стали скрюченными, как крюки, и так и пошло, крюк за крюком, крюк за крюком.

«Похоже мы проехали полдороги и повернули назад», – сказала Ко-мне-не-приставай.

«Посмотри в окно, нет ли там поросят в слюнявчиках», – ответил Давай-Приставай. – Если на поросятах слюнявчики, мы в стране Рутамяте».

Они выглянули в скрюченное окно скрюченного вагона, и первый же поросенок, попавшийся им на глаза, оказался в слюнявчике. Все-все поросята вокруг были в слюнявчиках.

На клетчатых поросятах были клетчатые слюнявчики, на полосатых – полосатые, а на поросятах в горошек, – слюнявчики в горошек.

«Кто же надевает поросятам слюнявчики?» – спросил отца Давай-Давай.

«Папы и мамы. У клетчатых поросят папы и мамы клетчатые, у полосатых – полосатые, а у поросят в горошек – папы и мамы в горошек».

Скрюченный поезд шел по скрюченным рельсам и скрюченным шпалам, крюк за крюком, крюк за крюком, куда очередной крюк не привел их в Печенка-с-луком-сити – самый большой город огромной-преогромной страны Рутамяты.

Так вот, если ты соберешься в страну Рутамяту, то, увидев, что поезд идет не прямо, а крюком, на поросятах появ-

заны слюнявчики, и повязаны никем другим, а их собственными папами и мамами, ты поймешь, что близок к цели.

Если ты соберешься туда, помни, что сначала надо продать все, что имеешь: поросят, пастбища, перечницы и пилы, положить в мешок наличных чуток, отправиться на станцию и попросить у кассира длинный, блестящий, желтый, кожаный билет с голубыми поперечными полосками.

И ты конечно не удивишься, если кассир протрет со сна глаза и спросит: «Так далеко? Так рано? Так скоро?»

КАК ВЕРНУТЬ НАЗАР

КОГДА ЕГО УНОСИТ
ВЕТЕР

Девочка по имени Блестящее Перышко отправилась в Печенка-с-луком-сити навестить дядюшку и дядюшку дядюшки с материнской стороны, а вместе с ними еще и дядюшку и дядюшку дядюшки с отцовской стороны.

Все четверо дядюшек в первый раз увидели свою юную родственницу, все четверо дядюшек пришли в восторг от голубых глазок племянницы. Оба дядюшки с материнской стороны долго-долго любовались ее голубыми глазками, а потом воскликнули: «Они такие голубые, такие небесно-голубые, словно васильки после грибного дождика, когда на серебристых листьях сверкают и танцуют капельки воды».

Оба дядюшки с отцовской стороны долго-долго любовались ее голубыми глазками, а потом воскликнули: «Они такие голубые, такие небесно-голубые, такие ярко-голубые, словно васильки после грибного дождика, когда на серебристых листьях сверкают и танцуют капельки воды».

Блестящее Перышко не слушала и не слышала, что дядюшки говорят о ее голубых глазках, но когда они отвернулись, сказала сама себе: «До чего же милые у меня дядюшки, и как мило мы вместе проведем время».

Четверо дядюшек спросили: «Можно задать тебе два вопроса, во-первых, первый, и во-вторых, второй?»

«Задавайте хоть пятьдесят вопросов сегодня, пятьдесят вопросов завтра, и еще по пятидесяти каждый день. Я люблю вопросы, они в одно ухо влетают, из другого вылетают».

Во-первых, дядюшки задали первый вопрос: «Откуда ты родом?» Во-вторых, дядюшки задали второй вопрос: «Почему у тебя на подбородке две родинки?»

«Во-первых, отвечаю на первый вопрос, – сказала Блестящее Перышко. – Я из Крем-Торт-тауна, маленького городка среди огромных кукурузных полей. Издали он похож на крошечную шляпку, которую можно надеть на кончик пальца, чтобы палец не замочило дождем».

«Говори еще», – сказал один дядюшка. «Говори, говори», – добавил другой. «Говори, не останавливайся», – подхватил третий. «Прерывать никак нельзя», – забормотал четвертый и последний.

«Это маленький воздушный городок посреди кукурузных полей, что тянутся на запад до самого заката. Воздушный как кремовый торт со взбитыми сливками. Он сидит сам по себе на пологом холме, как торт на тарелке, а вокруг него – поля. Там на склоне холма вокруг городка играют ветры, напевая ему свои ветряные песни, летний ветер – летом, зимний ветер – зимой».

Один из ветров, к несчастью, бывает грубоват, и, слегка разбушевавшись, хватает Крем-Торт-таун и сдувает его прямо в небо – весь целиком».

«Неужели?» – воскликнул один дядюшка. «В самом деле?» – подхватили трое других.

«Жители городка хорошо знают все ветры с их летними и зимними песнями. Знают и грубый ветер, что хватает Крем-

Торт-таун и сдувает его прямо в небо – весь целиком.

Если вы придете на главную площадь городка, то увидите там большой круглый дом. У него под крышей большая катушка, на которую намотана длинная веревка.

Когда налетает грубый ветер, срывает городок с места и сдувает весь целиком высоко в небо, веревка, к которой привязан городок, постепенно разматывается. Она разматывается, пока грубый ветер продолжает дуть, а городок относит все дальше в небо – весь целиком.

Когда грубый ветер, такой забывчивый и невнимательный, наиграется вдоволь, все горожане собираются вместе, и, вращая катушку, возвращают городок на место».

«Неужели?» – воскликнул один дядюшка. «В самом деле?» – подхватили трое других.

«Если вы когда-нибудь приедете в наш городок повидать свою юную родственницу, может быть, племянница таких милых дядюшек отведет вас на главную площадь, где стоит круглый дом. Горожане называют его Домом Большой Катушки, и, очень гордясь своей выдумкой, показывают его посетителям».

«А теперь ответь на второй вопрос, ответь, во-вторых, почему у тебя на подбородке две родинки?» – прервал ее как раз тот дядюшка, который говорил: «Прерывать никак нельзя».

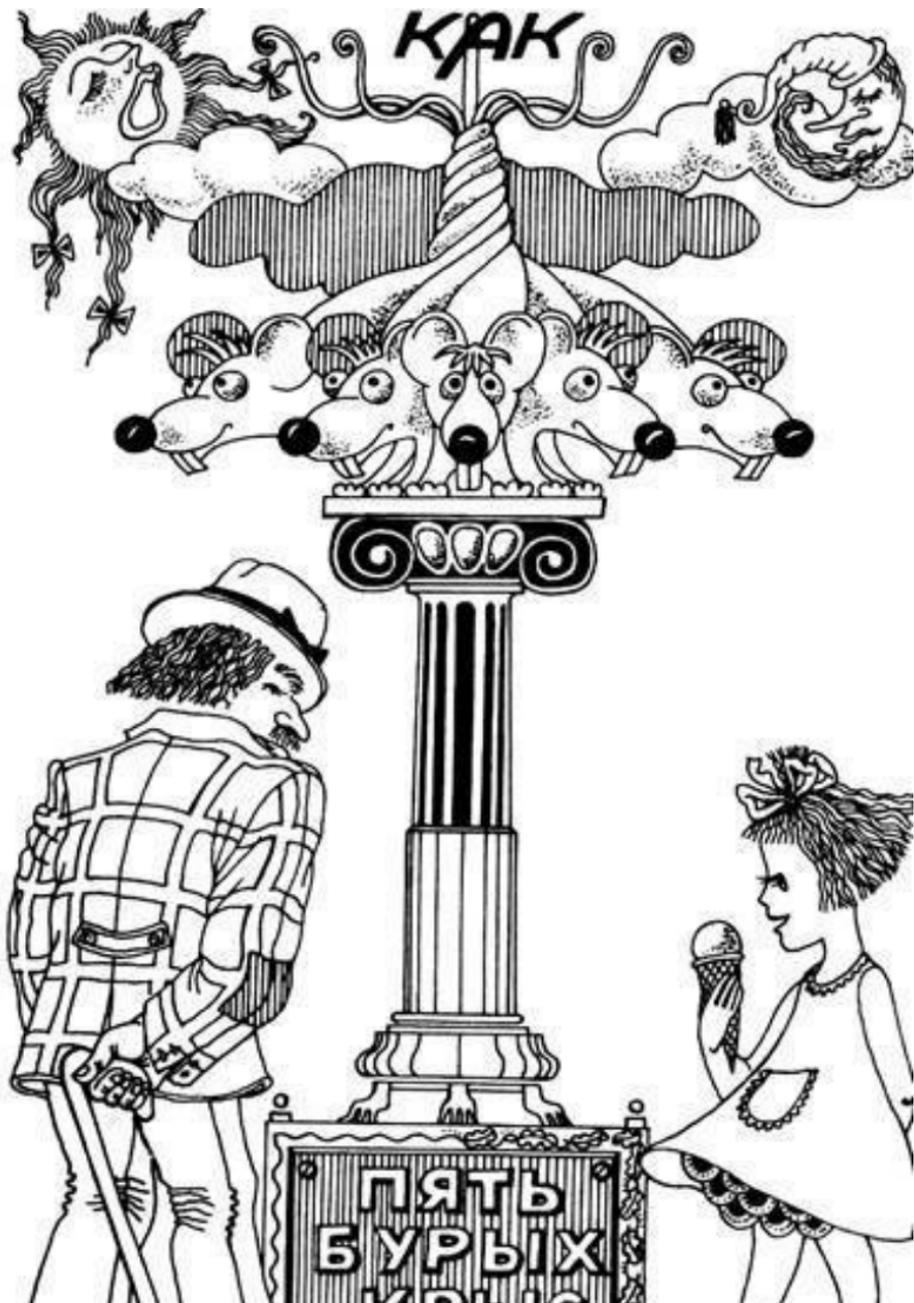
«Родинки сюда посадили, – отвечала Блестящее Перышко. – Когда одна девочка уходила из Крем-Торт-тауна, мама

посадила ей на подбородок две родинки, точь-в-точь как маленькие подгоревшие тортики, которые передержали в духовке. Каждое утро девочка расчесывает волосы и смотрится в зеркало, а две родинки, так похожие на подгоревшие тортики, напоминают ей, откуда она пришла и куда ей надо поскорее вернуться».

«Неужели?» – сказал один дядюшка. «В самом деле?» – подхватили трое других. А потом, обсудив все хорошенько, все четверо воскликнули:

«Что за сокровище – ее глазки. Они такие голубые, такие небесно-голубые, словно васильки после грибного дождика, когда на серебристых листьях сверкают и танцуют голубые капельки воды».

А Блестящее Перышко в это время говорила сама себе: «Теперь я точно знаю, какие у меня милые дядюшки и как мило я проведу время, навещая родственников».

КАК

ПЯТЬ
БУРЫХ

Когда Блестящее Перышко гостила у своих дядюшек в Печенка-с-луком-сити, однажды разразилась снежная буря. Тучи заволокли небо, налетел шумный и скрипящий, как несмазанные оси тяжело груженого фургона, ветер.

В тот день в дом к четверым дядюшкам, постучала серая крыса. Шкурка у нее была серая и шерстка серая, серая как серая сера. Крыса держала корзинку, а в корзинке лежал антре-кот. Крыса попросила: «Пустите меня к очагу и одолжите, пожалуйста, капельку соли, чтобы мне поджарить мой антре-кот и согреться в такую стужу».

Четверо дядюшек хором ответили: «Не время сейчас пускать всяких крыс, и откуда ты только взяла свой антре-кот?»

Тут вмешалась Блестящее Перышко: «Умоляю вас, во имя пяти бурых крыс, пяти знаменитых крыс Крем-Торт-тауна, не гоните ее».

Дядюшки замерли и долго-долго смотрели девочке прямо в глаза. Они думали о том же, о чем думали уже не раз: «Какие у нее небесно-голубые глазки, ну прямо васильки после грибного дождика, когда на серебристых листьях сверкают голубые капельки».

Четверо дядюшек открыли дверь и пригласили серую крысу в дом. Они показали ей где кухня, очаг и соль, и даже составили ей компанию, чтобы веселее было жарить антрекот, ведь без еды недолго замерзнуть, путешествуя в снежную бурю, когда тучи заволокли все небо.

Потом, открыв парадную дверь, проводив крысу и пожелав ей доброго пути, они попросили Блестящее Перышко поскорее рассказать им о знаменитых бурых крысах Крем-Торт-тауна, городка, где она жила с мамой, папой и всеми остальными жителями.

«Когда я была совсем маленькой и не знала того, что знаю теперь, став куда старше, дедушка сделал мне подарок на девяtilетие. Я помню, как он мне сказал: „С этого дня тебе уже никогда больше не будет ровно девять лет, потому получи в подарок эту коробку“.

В коробке оказалась пара красных туфельек, а на каждой туфельке были золотые часики. Одни часики спешили, другие отставали. Дедушка сказал, что если я хочу прийти куда-нибудь пораньше, я должна смотреть на спешащие часы, а если хочу опоздать – на отстающие.

В тот самый день мы с ним отправились гулять на главную площадь к Дому Большой Катушки. Там он показал мне памятник пяти бурым крысам, пяти знаменитым крысам и сказал, если я правильно запомнила его слова, следующее:

«Много лет тому назад, когда снегири еще не носили смешных маленьких спадающих шляпок и манишек, и тем более задолго до того, как они научились снимать свои спадающие шляпки и манишки, давным-давно, в далеком Печенка-с-луком-сити собрались все, кто любил кремовые торты. Запаковав багаж, покидав все вещи в рюкзаки, они вышли на улицу и покинули Печенка-с-луком-сити, пригова-

ривая: „Мы найдем для города новое место и назовем его Крем-Торт-таун“.

Когда они шагали по прерии, закинув за спину багаж, началась снежная буря. Тучи заволокли небо. Задул ветер, он дул и дул, шумел и скрипел, как несмазанные оси тяжело груженого фургона.

Шел снег. Ветер дул весь день и всю ночь, а потом еще целый день. Ветер разозлился, он кружил и бросал им льдинки в лицо. Они потерялись в снежной буре и уже готовились умереть. Они боялись, что их засыплет снегом, а потом придут волки и съедят их.

Тогда появились пять знаменитых крыс, пять бурых крыс, с бурой шкуркой и шерсткой бурой, с бурыми лапками и носами, бурые-бурые, и что важнее всего, с длинными закрученными бурыми хвостами. Носами они разгребали снег, а длинные закрученные хвосты подняли так высоко, что заблудившиеся в метели люди ухватились за них, как за ручки.

Сколько бы теперь ни дул ветер, какой бы ни шел снег, как бы буря ни швыряла им сосульки в лицо, они держались за длинные закрученные хвосты пяти бурых крыс, пока не пришли туда, где сейчас стоит Крем-Торт-таун. Бурые крысы спасли их и нашли место для нового городка. Потому-то и стоят на постаменте посреди главной площади пять бурых крыс с опущенными в снег носами и высоко поднятыми закрученными хвостами.

Такую вот историю рассказал мне дедушка. Он говорил,

что это случилось давным-давно, куда раньше, чем снегири стали носить спадающие шляпки и манишки, куда раньше, чем они научились снимать свои спадающие шляпки и манишки».

«Неужели?» – воскликнул один дядюшка. «В самом деле?» – подхватили трое других.

«Если когда-нибудь, – добавила Блестящее Перышко, – покинув Печенка-с-луком-сити, перейдя реку Шампунь и проскакав много-много миль по бескрайней прерии, вы окажетесь в Крем-Торт-тауне, то найдете там девочку, которая ужасно любит своих дядюшек. Попросите ее вежливо, и она покажет вам красные туфельки с золотыми часиками, на одной туфельке спешащие часики, на другой – отстающие. Если вы попросите еще повежливее, она пойдет с вами на главную площадь и покажет вам постамент с пятью замечательными бурыми крысами, чьи длинные закрученные хвосты торчат вверх как ручки. Хвосты так длинны и так чудесно закручены, что вам обязательно захочется подпрыгнуть и ухватиться за них, чтобы посмотреть, что из этого получится».

Обычно слепой Нос-Картошкой играл на аккордеоне у почты на углу Главной улицы Печенка-с-луком-сити.

Эскимо-на-выбор подошел к нему и сказал: «Наверно твой аккордеон когда-то был из золота девяносто шестой пробы, да еще и с алмазами. В нем видно былое великолепие, но сейчас он совсем не такой».

«Да, да, он был весь позолоченный, – отвечал слепой Нос-

Картошкой, – а по бокам – два алмазных кролика, с каждой стороны по одному».

«Какие-такие алмазные кролики?» – спросил Эскимо-на-выбор.

«С глазками и лапками, головками и хвостиками из алмазов, чудные кролики с алмазными мордочками, лежащими на алмазных лапках. Когда я играл так хорошо, что, слушая мою музыку, люди плакали, пальцами я чувствовал их алмазные мордочки на алмазных лапках и приговаривал: „Молодчина, братец кролик, молодчина, братец кролик“.

«Я слушаю тебя и не слышу, твой рассказ как сон. Теперь-то твой аккордеон выглядит, будто кто-то его украл, снес в ломбард, а потом выкупил, а еще кто-то снова украл, снова снес в ломбард, а потом выкупил, а еще кто-то снова украл. И так его крали и выкупали из ломбарда, пока не сошла вся позолота и он не стал совсем-совсем старым».

«Да-да-да, ты совершенно прав. Совсем не таким должен быть аккордеон. Он знает куда больше, чем должен знать, так же как и слепой Нос-Картошкой».

«Расскажи мне об этом», – попросил Эскимо-на-выбор.

«Все очень просто. Если слепец играет на улице так, что люди плачут и грустят, то когда они грустят и плачут, с аккордеона сходит позолота. Если слепец засыпает под свои сонные песни, монотонные, как ветер в сонной долине, то когда он засыпает, алмазный кролик теряет свои алмазы. Я играл сонную песню и засыпал, а проснувшись видел, что у

кролика нет алмазного уха. Я играл другую сонную песню и засыпал, а проснувшись видел, что нет алмазного хвоста. Так постепенно исчезли оба алмазных кролика, исчезли даже их алмазные мордочки, лежащие на алмазных лапках прямо у клавиш аккордеона».

«Могу я чем-то тебе помочь?» – спросил Эскимо-на-выбор.

«Я сам себе помогаю, – ответил Нос-Картошкой. – Если мне грустно, я играю сонные песни ветра сонных долин, и они уносят меня туда, где у меня хватает времени и денег помечтать о новом чудесном аккордеоне и о такой почте, где каждый, кто получает письма, и каждый, кто их не получает, останавливается на углу и подает что-нибудь слепому Носу-Картошкой».

2. Пять историй о слепом Носе-Картошкой

КАК
СЛЕПОЙ НОС-КАРТОШКОЙ

В пятницу утром, когда пеночка-теньковка высвистывала в ветках вяза тень-тень-тень, слепой Нос-Картошкой отправился на работу. А что он делал? Сидел на углу у почты в Печенка-с-луком-сити и играл на аккордеоне, что когда-то был позолоченным. Он играл, чтобы доставить удовольствие тем, кто приходил на почту посмотреть, нет ли для них писем.

«Добрый денек, счастливый денек, – сказал Нос-Картошкой. – Он начался с того, что я услышал, как на верхушке вяза в распускающихся ветках пеночка-теньковка высвистывает свое тень-тень-тень. Мне самому хочется послушать, сыграю ли я на аккордеоне это тень-тень-тень, и засвищет ли мой веселый аккордеон так, чтобы веселая песенка вырвалась из него как листочки из лопнувших почек».

И он уселся на стул. На рукаве пальто у него была надпись: «Я ТОЖЕ СЛЕПОЙ». К верхней пуговице пальто он подвесил маленький наперсток, к нижней пуговице – медную кружку, к средней – деревянную чашку. Сбоку от левого бока стояло цинковое корыто, а сбоку от правого бока – алюминиевая миска.

«Добрый денек, счастливый денек, уверен, сегодня Носу-Картошкой что-нибудь да подадут», – пропел он на манер коротенькой песенки, пробегая пальцами по клавишам с той же быстротой и радостью, с какой лопаются почки.

Тут к нему подошел Вопросайка и как всегда начал за-

давать вопросы, потому что хотел все узнать. Вопросы и ответы так и сыпались, и Нос-Картошкой забивал ему голову всяческими объяснениями.

«Что же ты играл на клавишах аккордеона, то быстро, то медленно, то грустно, то весело?»

«Песенку, которую пеночки-теньковки-мамы поют, когда расстегивают своим малюткам зимние курточки:

*Лети, моя пеночка,
Пой, моя теньковочка».*

«А почему у тебя на верхней пуговице пальто маленький наперсток?»

«Это для гривенников. Человек положит пару гривенников, посмотрит и скажет: „Ну, вот, целый наперсток гривенников положил“.

«А медная кружка?»

«Ярые бейсболисты с десяти метров кидают в нее медную мелочь. Кто больше забросит мелочи в кружку, тот и выиграл».

«А деревянная чашка?»

«У нее в донышке дырка, дырка размером с донышко. Бросишь в нее мелочь, а она выпадает. Самые бедные подаюют мне и тут же получают свою монетку обратно».

«А алюминиевая миска и цинковое корыто – почему они стоят сбоку от каждого бока?»

«Иногда бывает, что кто-то, идя на почту или с почты, останавливается и высыпает все деньги, потому что ему кажется, что его деньги чем-то нехороши. Когда с человеком такое случается, нужно чтобы было, куда ссыпать деньги. Вот зачем тут стоят алюминиевая миска и цинковое корыто».

«Теперь объясни мне, что значит „Я ТОЖЕ СЛЕПОЙ?“»

«Мне грустно объяснять тебе, Вопрошайка, к чему эта надпись. У людей, что идут мимо, на почту или с почты, глаза в порядке, но часто они ничего не видят. Они смотрят, куда идут, и приходят, куда хотят, но забывают, зачем пришли и как вернуться обратно. Они мои слепые братья, вот почему у меня на рукаве написано: „Я ТОЖЕ СЛЕПОЙ“».

«Спасибо, больше объяснений в меня не вместится», – сказал Вопрошайка.

«До свидания», – ответил Нос-Картошкой и извлек из аккордеона долгий звук – то ли вздох распускающихся листьев, то ли песенку, что пеночка-теньковка-мама поет, расстегивая своим малюткам зимние курточки.

БАБУЩИ
Я-НЕ-ЗДЕСЬ

ТИГР
ДВА-ПИРОГА

Когда у луны зеленая корка и красная с черными косточками мякоть, в стране Рутамяте ее называют Арбузной Луной и ждут всяческих неожиданностей.

В тот вечер взошла Арбузная Луна. Бродяжка Бетти поднялась на чердак, где жил слепой Нос-Картошкой. С ней были Бабуин Я-не-здесь и Тигр Два-Пирога. Она вела их на розовом поводке.

«Видишь, они уже в пижамах и переночуют здесь, – сказала она. – Они – талисманы и завтра пойдут с тобой на работу».

«Как это так – талисманы?» – спросил Нос-Картошкой.

«Они приносят счастье. Если к тебе придет удача, она с тобой и останется. Если счастье тебе изменит, они вернут его».

«Спасибо, спасибо, твои слова коснулись моих ушей».

На следующее утро, когда Нос-Картошкой уселся с аккордеоном на углу у почты в Печенка-с-луком-сити, справа от него устроился Бабуин Я-не-здесь, а слева Тигр Два-Пирога.

Они сидели тихо-тихо – как игрушечные. Казалось, их сделали из дерева и бумаги, а потом раскрасили. У бабуина в глазах отражались дальние дали, глаза тигра поблескивали от голода. В огромном лимузине подъехал Жадина Жмотсон, хозяин фабрики, где шьют одежду. Со всех сторон обложенный подушками он откинулся на спинку кожаного сидения.

«Стой», – скомандовал он шоферу.

Жадина Жмотсон огляделся вокруг. Сначала он поглядел в глаза Бабуину Я-не-здесь и увидел дальние дали. Потом он взглянул в глаза Тигру Два-Пирога и увидел голод. Потом он прочел надпись, сделанную слепым Носом-Картошкой. Она гласила: *«Ты смотришь на них и видишь. Я смотрю на них и не вижу. Ты видишь то, на что смотрят твои глаза. Я могу только пощупать их шерстку»*. «Поехали», – скомандовал шоферу Жадина Жмотсон.

Спустя пятнадцать минут на Главную улицу вышел человек в комбинезоне и с тачкой. Он остановился перед слепым Носом-Картошкой, Бабуином Я-не-здесь и Тигром Два-Пирога.

«Где алюминиевая миска?» – спросил он.

«Сбоку от левого бока», – ответил Нос-Картошкой.

«Где цинковое корыто?»

«Сбоку от правого бока».

Человек в комбинезоне взял лопату и стал выгребать из тачки серебряные монеты и швырять их в алюминиевую миску и цинковое корыто. Он швырял и швырял их, пока не заполнил всю алюминиевую миску, пока не заполнил все цинковое корыто. Тогда он положил лопату и покатил тачку дальше по Главной улице.

В шесть вечера пришел Вопросайка и слепой Нос-Картошкой сказал ему: «Мне сегодня тащить домой кучу денег, полную серебра алюминиевую миску, полное серебра цин-

ковое корыто. Прошу тебя, позаботься, пожалуйста, о Бабуине Я-не-здесь и Тигре Два-Пирога».

«Хорошо, я все сделаю», – ответил Вопросайка и все сделал: взял розовый поводок, отвел их домой и уложил спать в деревянном сарае.

Бабуин Я-не-здесь устроился на мягкой подстилке в северном углу сарая, и во сне на лице его отражались дальние дали, и он лежал так тихо, что был похож на деревянную игрушку с густой коричневой шерстью, нарисованной на черной шкуре, с черным носом, нарисованным на коричневой морде. Тигр Два-Пирога устроился на жесткой подстилке в южном углу сарая, и во сне в его ресницах таился голод, а сам он был похож на игрушку с черными, нарисованными на животе полосками, с черным, нарисованным на самом кончике длинного желтого хвоста пятнышком.

Утром деревянный сарай оказался пуст. Вопросайка сказал Носу-Картошкой: «Они оставили написанную собственноручно на надушенной розовой бумаге записку. Вот она: *«Талисманы никогда не остаются надолго».*

Потому-то у слепого Носа-Картошкой еще много-много лет спустя полно было серебряных монет, а жители страны Рутамяты все ждали, не появится ли в небе Арбузная Луна с зеленой коркой и красной с черными косточками мякотью.

В одно октябрьское утро Нос-Картошкой сидел на углу у почты.

Эскимо-на-выбор подошел к нему и сказал: «Что за грустное время года!»

«Грустное?» – переспросил слепой Нос-Картошкой и переставил аккордеон с правой коленки на левую. Он нащупал клавиши и тихо заиграл песенку «Не грусти поутру, когда птички ту-ру-ру».

«Как же тут не грустить каждый год, – отозвался Эскимо-на-выбор, – когда листья из зеленых становятся желтыми, опадают и кружатся в воздухе, когда ветер подхватывает их, и они напевают песенку: „Баю-бай, детка, баю-бай“, а ветер несет их в небо, и кажется, небо полно птиц, забывших все песни, кроме одной».

«Это и грустно и не грустно, – прозвучали слова слепого. – Знаешь, – добавил он, – в это время ко мне всегда возвращается сон о белой лунной горке. Он всегда приходит ко мне за пять недель до первого снегопада, словно напоминая: „Сейчас почерневшие листья заполнили все небо, но через пять недель каждый листок станет тысячью ослепительно белых снежинок“.

«Что это за сон о белой лунной горке?» – спросил Эскимо-на-выбор.

«Впервые он пришел ко мне, когда я был еще мальчишкой, когда счастье не отвернулось от меня, и я еще не ослеп.

Я увидел на луне огромных белых пауков, они трудились, спешили, карабкались вверх-вниз, крутились и суетились. Я долго-долго смотрел, пока не разглядел, что делали на луне белые пауки. Я догадался, что они ткали длинную белую горку, белую и мягкую как снег. Так они крутились и суетились, карабкались вверх-вниз, пока горка наконец не была готова, белая снежная горка от самой луны до страны Рутамяты.

По горке прямо вниз с луны заскользили Золотистые мальчики и Серебристые девочки. Они, видишь ли, падали ко мне под ноги, потому что горка кончалась у самых моих ног. Когда они соскальзывали с горки к моим ногам, я наклонялся и подбирал их. Я мог бы набрать полные пригоршни Золотистых мальчиков и Серебристых девочек, подержать их в руках, поговорить с ними. Но, понимаешь ли, сколько я ни пытался сжать ладонь и удержать их, они крутились и суетились и проскальзывали между пальцами. Осталась только золотая и серебряная пыльца на пальцах, она осыпалась, пока они выскальзывали у меня из рук.

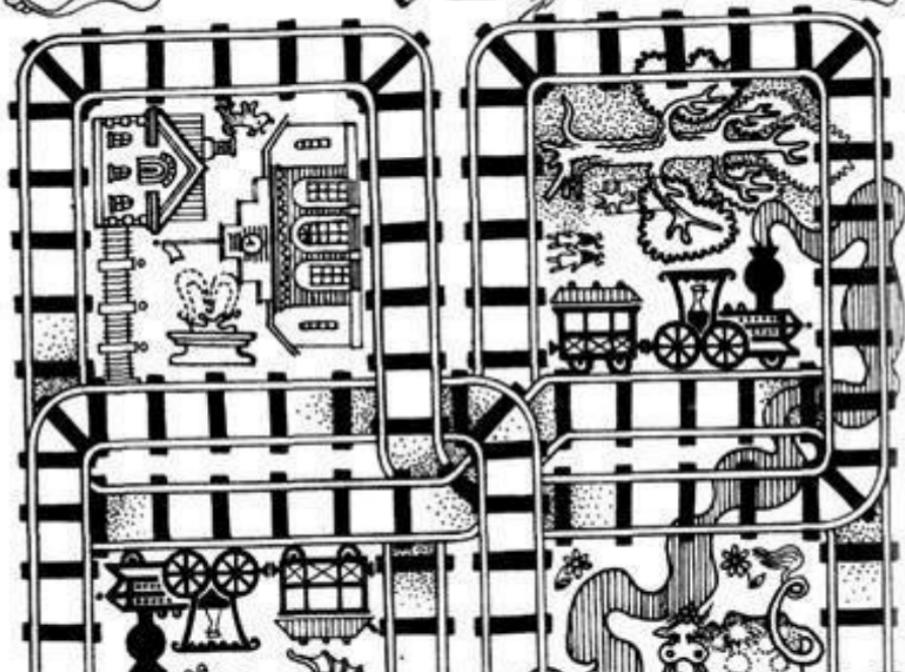
Тут я услышал, как шепчутся Золотистый мальчик и Серебристая девочка. Они уселись у меня на кончике мизинца, и он сказал: «Я раздобыл тыкву – а ты что?» Она ответила: «А я – земляных орехов». Я послушал, послушал и понял, что существуют миллионы таких маленьких тыкв и орехов, что мне их никогда не увидеть. А детишки с луны их видели, и когда они скользили по снежной горке обратно на луну, карманы у них были полны такими мелочами, что нам и не

заметить».

«Какие чудные детишки, – сказал Эскимо-на-выбор. – Расскажи мне теперь, как они возвращались на луну, съехав вниз по горке».

«С легкостью, – ответил Нос-Картошкой. – Скользить вверх было так же просто, как и вниз. Вверх или вниз – им было все равно. Так устроили большие белые пауки, когда крутились, сутились и делали эту горку».

КАК ДАВАИ-ПРИСТАВАИ
РАЗОБРАЛСЯ В УСТРОЙСТВЕ
СКРЮЧЕННОГО ПУТИ, И
УЗНАЛ, КТО ЕГО
СКРЮЧИЛ.

Однажды Давай-Приставай сказал сам себе: «Пойду, схожу на почту, посмотрю, что делается в мире. Может узнаю, не случилось ли чего интересного ночью, пока я спал. Может полицейский смеялся, смеялся, да и свалился в пруд, а оттуда вылез с пригоршней золотых рыбок, сверкающих, как драгоценные камни. Почему знать? Может лунный человек спускался в подвал налить в кувшин сливок для своей женушки, чтобы она перестала плакать. Может, спускаясь по лестнице, он упал и разбил кувшин, засмеялся и собрал осколки, приговаривая: „Раз, два, три, четыре, несчастный случай в благородном семействе“. Почему знать?»

Исполненный столь простых и приятных мыслей, Давай-Приставай вышел на задний двор и стал разглядывать выросшие на солнцепеке галстучные маки. Потом он сорвал один и на манер шейного платка повязал его, чтобы выйти в город на почту и поглядеть, что творится в мире.

«Отлично придумано – чудно глядеться с платком вокруг шеи, чтобы глядеть, что есть чудного вокруг в мире, – сказал Давай-Приставай. – Что за платок у меня – с рисунком, зеленый в белый горошек, зеленый – точь-в-точь лягушка в лунном свете, а белые горохи – прямо как пятнышки на морде у пони».

И он отправился в город и там первым делом повстречал слепого Носа-Картошкой, что играл на аккордеоне на углу у почты. Он попросил его рассказать, почему в стране Рута-

мяте железная дорога такая скрюченная.

«Давным-давно, – начал слепой Нос-Картошкой, – задолго до того, как на заднем дворе начали расти галстучные маки, задолго до того, как появились такие галстучные маки, как твой, зеленые в горошек, зеленые – точь-в-точь лягушка в лунном свете, а белые горохи – прямо как пятнышки на морде у пони, в старину, когда прокладывали железную дорогу, она была совершенно прямой.

А потом появились жуки-скрюки. У них скрюченное тельце на скрюченных ножках, они скрюченно грызут скрюченными зубами и скрюченно плюются скрюченными губами.

Миллионы скрюков громко захрюкали в хрюкалки, что у них за ушами и под коленками. Они прыгнули на рельсы скрюченными ножками, и ну грызть скрюченными зубами, плевать скрюченными языками, пока не скрутили всю железную дорогу. Все рельсы стали скрюченными, все шпалы стали скрюченными и все поезда, товарные и пассажирские, покатали по скрюченной дороге.

Тогда жуки-скрюки уползли в поле и улеглись спать на специально скрюченных кроватях под специально скрюченными одеялами.

На следующий день пришли копальщики с лопатами, катальщики с катками, и мальчишки-водоносы с ведрами и черпаками. Они носили рабочим воду, пока те выпрямляли дорогу. Еще я забыл сказать о лебедочниках с паровыми лебедками, которые тянули, тащили и выпрямляли дорогу.

Они работали долго-долго, и дорога снова стала прямой. Они взглянули на свою работу и хором воскликнули: «Потрудились – сделали!»

А наутро жуки-скрюки открыли скрюченные глаза и поглядели на шпалы и рельсы. Они увидели, что дорога снова выпрямилась, и прямыми стали все рельсы, и шпалы, и болты, и в то утро скрюкам было не до завтрака.

Они выпрыгнули из скрюченных кроватей, они прыгнули скрюченными ножками на рельсы: и ну плевать и грызть, пока снова не скрутили все рельсы, шпалы и болты.

Только тогда скрюки отправились завтракать, и совсем как копальщики, катальщики и лебедочники, говорили хором: «Потрудились – сделали!»

«Так вот в чем было дело – в жуках-скрюках», – сказал Давай-Приставай.

«Именно в них, – ответил слепой Нос-Картошкой. – Так мне рассказывали».

«А кто тебе рассказывал?»

«Два маленьких жучка-скрючка. Однажды холодной зимней ночью они пришли ко мне и переночевали в моем аккордеоне, где от музыки тепло и зимой. Утром я сказал им: „Доброе утро, скрюки. Вы хорошо выспались? Вы видели приятные сны?“ А после завтрака они рассказали мне эту историю. Они рассказывали ее очень скрюченно, один за другим, круг за кругом, но круги были совсем одинаковыми».

3. Три истории о золотистом замшевом притягуче

ИСТОРИЯ ГУЛЁНЫ
ГЛАЗКИНС И СИЛЫ
ЗОЛОТИСТОГО

Гулена Глазкинс выросла искательницей счастья. Если она находила подкову, она привязывала к ней ленточку и вешала ее на стенку в своей комнате. Она всегда смотрела на молодой месяц сквозь пальцы и через плечо, всегда через *правое* и никогда – никогда – через *левое*. Она всегда примечала, с чем идут ей навстречу – с полным ведром или с пустым.

Увидев во сне луковицу, она знала, что на следующий день найдет серебряную ложку. А если ей снилась рыба, это означало встречу с незнакомцем, который должен был окликнуть ее по имени. Да-да, она выросла искательницей счастья.

В шестнадцать лет она была далеко не ребенок и носила длиннющую юбку. Тогда-то с ней и произошла эта история. Она отправилась на почту, посмотреть, нет ли писем от ее любимой подруги Крошки Капризули Хоч или от ее самого-самого лучшего друга, Джимми Кузнечика.

Джимми Кузнечик был альпинист. Он карабкался на небоскребы, флагштоки и дымовые трубы и был знаменитым верхолазом. Он нравился Гулене Глазкинс немножко за то, что был верхолаз, но куда больше за то, что умел свистеть.

Гулена всегда говорила Джимми: «Когда мне грустно, свист прогоняет грусть». Джимми свистел так замечательно, что грусть замечательно убегала от Гулены.

По дороге на почту Гулена нашла золотистый замшевый

притягуч. Он лежал прямо посреди тротуара. Гулена так и не узнала, как и почему он туда попал, и некому ей было сказать об этом.

«Вот удача», – воскликнула она и быстро схватила притягуч.

Потом она отправилась домой, приделала к нему тоненькую цепочку и повесила его себе на шею.

Она не знала и никто ей не сказал, что золотистый замшевый притягуч отличается от простого, обыкновенного, тем, что в нем есть *сила*. А если что-то имеет над тобой силу, тут уж ничего не поделаешь.

Так вот получилось, что Гулена Глазкинс носила на тоненькой цепочке вокруг шеи золотистый замшевый притягуч, не зная, что он обладает силой, а сила меж тем уже действовала.

«Ты по уши влюбишься в первого же мужчину, в чьей фамилии будет буква „ш“, – неслышно скомандовал золотистый замшевый притягуч.

Потому-то Гулена Глазкинс остановилась посреди почты, а потом снова вернулась к окошку спросить сидящего там клерка, уверен ли он, что для нее нет писем. Клерка звали Сайлас Бушель. Шесть, недель они с Гуленой Глазкинс встречались и ходили на танцы, на прогулки, пикники и пирושки.

Все это время действовала сила золотистого замшевого притягуча. Он висел на тоненькой цепочке вокруг шеи и дей-

ствовал. Вот он приказал: «Сейчас ты встретишь мужчину, в чьей фамилии две буквы „ш“, все бросишь и по уши в него влюбишься».

Она встретила директора школы, его звали Фриц Ашенбуш. Гулена стрельнула глазками, заулыбалась, и они шесть недель встречались и ходили на танцы, на прогулки, пикники и пирушки.

«Почему ты встречаешься с ним?» – спросили ее родные.

«Это действует сила, – ответила Гулена. – Что я могу поделать – это сила».

«У него одна нога короче другой – как ты можешь встречаться с ним?» – снова спросили они.

А она ответила только: «Это сила».

Золотистый замшевый притягуч на тоненькой цепочке действовал, конечно, все время. Теперь он сказал: «Если ты встретишь мужчину, в чьей фамилии три буквы „ш“, ты по уши в него влюбишься».

Однажды вечером на концерте под открытым небом она увидела Джеймса Шушудуша. Тут уж ничего не могло помочь. Она стрельнула глазками, заулыбалась, и шесть недель они встречались и ходили на концерты, танцы, прогулки, пикники и пирушки.

«Почему ты встречаешься с ним? Он всему предпочитает дешевое музыкальное хлебово», – спросили ее родные, а она ответила: «Это сила – тут ничего не поделаешь».

Однажды она склонилась над цистерной с дождевой водой

и слушала эхо, отдающееся в ее деревянных стенках, а золотистый замшевый притягуч соскользнул с тонкой цепочки и упал в дождевую воду.

«Ушло мое счастье», – сказала Гулена. Она вернулась домой и взялась за телефон. Сначала она позвонила Джеймсу Шушудушу и сказала, что не может сегодня с ним встретиться. Потом она позвонила Джимми Кузнечику, альпинисту и верхолазу.

«Приходи – мне грустно и хочется, чтобы ты высвистал прочь мою тоску», – вот что услышал в телефонной трубке Джимми Кузнечик.

Итак, будь осторожен, если найдешь золотистый замшевый притягуч. В нем сила. Он заставит тебя по уши влюбиться в первого встречного, у которого в имени есть буква «ш». А если это будет другой притягуч с другой силой, может случиться что-нибудь еще более неожиданное.

ИСТОРИЯ ЯСОНА ПЬЯНЬЧУЖКИ
И ЕГО КУКУРУЗНОЙ ШЛЯПЫ,

КУКУРУЗНЫХ
РУКАВИЦ

КУКУРУЗНЫХ
БАШМАКОВ

Ясон Пьянчужка был чистильщиком цистерн. Волосы у него были зеленовато-желтые. Когда он вычерпывал из цистерн грязь и тину, его всегда можно было разглядеть в темноте по зеленовато-желтому свету, исходящему от его волос.

Иногда ковши грязи опрокидывались, тина летела ему на голову и заляпывала зеленовато-желтые волосы, и тогда разглядеть его в темноте цистерны становилось гораздо труднее.

Однажды Ясон Пьянчужка пришел к дому Глазкинсов и постучал в дверь.

«Верно я понял, – сказал он, обращаясь к миссис Глазкинс, матери Гулены Глазкинс. – правильно я понимаю, что вы посылали за мной, чтобы я вычистил цистерну, стоящую на заднем дворе?»

«Ты все понял совершенно правильно, – ответила миссис Глазкинс, – мы ждем тебя с нетерпением, как первых весенних цветов, траля-ляля-ля».

«Ну, я пошел работать – чистить цистерну, траля-ляля-ля, – сказал Ясон миссис Глазкинс. – Вот какой я молодец, траля-ляля-ля», – пропел он, запустив ловкие пальцы в светящуюся ярким светом зеленовато-желтую шевелюру.

Он принялся чистить цистерну. Гулена Глазкинс вышла на задний двор и заглянула туда, в цистерне было темно. Кажалось, в ней нет ничего, кроме тьмы. Вдруг она заметила что-то зеленовато-желтое и стала присматриваться. Скоро она разглядела, что это волосы Ясона Пьянчужки. Она поня-

ла, что он за работой и чистит цистерну. Она пропела «тра-ля-ляля-ля», вернулась домой и сказала матери, что Ясон за работой.

Наконец Ясон Пьянчужка вычерпал последний ковш грязи и тины и стал разглядывать дно цистерны. Там что-то светилось. Он разгреб пальцами остатки грязи и взял то, что светилось.

Это был золотистый замшевый притягуч, который Гулена неделей раньше уронила с золотой цепочки, когда заглянула в цистерну посмотреть, не видать ли чего. Это был как раз тот самый золотистый замшевый притягуч, сверкавший и сиявший как само счастье.

«Вот удача», – сказал Ясон Пьянчужка, вытирая пальцы о зеленовато-желтые волосы. Потом он положил золотистый замшевый притягуч в жилетный карман и снова произнес: «Вот удача».

Вечером, в шесть с минутами, Ясон Пьянчужка переступил порог своего дома и поздоровался с женой и детьми. А они в ответ как рассмеются, да таким преобидным смехом.

«Что такого смешного?» – спросил он.

«Да ты сам», – ответили они и снова рассмеялись, да как преобидно.

Что же их так рассмешило? Да то, что на нем теперь была кукурузная шляпа, кукурузные рукавицы и кукурузные башмаки. Он-то не знал, что золотистый замшевый притягуч обладает силой и все время действует. Он не знал, что притягуч

скомандовал из жилетного кармана: «В твоём имени буква „я“ и за счастье и удовольствие иметь в имени букву „я“ пусть будут у тебя кукурузная шляпа, кукурузные рукавицы и кукурузные башмаки».

На следующий день он надел другую шляпу, другие рукавицы и другие башмаки. Как только он их надел, они тоже стали кукурузными.

Он перепробовал все шляпы, рукавицы и башмаки, но стоило ему их надеть, как они тут же становились кукурузными. Тогда он отправился в лавку и купил новую шляпу, новые рукавицы и новые башмаки, но только он их надел, как и они стали кукурузными.

Тогда он решил отправиться на работу, чтобы чистить цистерны в кукурузной шляпе, кукурузных рукавицах и кукурузных башмаках.

Когда он показался на улице, жители Крем-Торт-тауна пришли в восторг от этого зрелища. Его кукурузная шляпа, кукурузные рукавицы и кукурузные башмаки видны были за пять кварталов.

Когда он вошёл в цистерну, в неё с восторгом заглядывали дети, чтобы посмотреть на него за работой. Пока грязь и тина не заляпывала шляпу и рукавицы, он был весь как на ладони – сверкающая кукуруза заливала светом всю цистерну.

Иногда, конечно, чёрная тина и чёрная-пречёрная грязь пачкали белую кукурузу, и тогда по дороге домой Ясон Пьянчужка выглядел уже не так блестяще.

То-то смеху было Ясону Пьянчужке в ту зиму.

«Преступление, форменное преступление, – говорил он сам себе. – Я не могу теперь даже побыть наедине со своими мыслями. Стоит мне показаться на улице, как все начинают на меня глазеть.

Если мне навстречу идет похоронная процессия, при виде моей кукурузной шляпы начинают смеяться даже носильщики. Если я встречаю свадьбу, меня посыпают рисом, как будто я – жених и невеста одновременно.

Куда бы я ни шел, мою шляпу пытаются съесть лошади. Я скормил им три шляпы за зиму.

Стоит мне случайно уронить рукавицу, ее тут же начинают клевать цыплята».

Он грустил, грустил, а потом изменился и даже возгордился.

«Мне всегда хотелось иметь такую прекрасную белую шляпу, как моя белая кукурузная, – говорил он сам себе. – Мне всегда хотелось иметь такие прекрасные белые рукавицы и прекрасные белые башмаки, как мои белые кукурузные».

Когда мальчишки вопили: «Снежный человек! Йо-хо-хо, снежный человек!», он так величаво поводил рукой, как будто хотел показать, что гордится тем, как он выглядит.

«Все на меня смотрят, – говорил он сам себе. – Я такой выдающийся – не правда ли?»

Тут он со словами: «Вы прямо-таки отлично выглядите»

пожимал себе правой рукой левую.

Однажды он решил выкинуть свой старый жилет, а именно в жилетном кармане был золотистый замшевый притягуч, обладающий силой, которая командовала: «В твоём имени буква „я“ и за счастье и удовольствие иметь в имени букву „я“ пусть будут у тебя кукурузная шляпа, кукурузные рукавицы и кукурузные башмаки».

Да, он выбросил жилет, он забыл, что в жилете лежит золотистый замшевый притягуч.

Он отдал жилет старьевщику. Старьевщик положил жилет с золотистым замшевым притягучем в заплечный мешок и ушел.

Тут Ясон Пьянчужка снова стал как все люди. Больше никогда его шляпа не превращалась в кукурузную, и кукурузными не становились ни рукавицы, ни башмаки.

Теперь, когда он шел по улице или чистил цистерну, узнать его можно было только по блестящим зеленовато-желтым волосам.

Итак, найдя золотистый замшевый притягуч, будь осторожен, если в твоём имени буква «я». А еще помни, у других притягучей – другая сила.

ТОРИЯ СТАРЬЕВЩИКА ХАБАКУКА,

ДВУХ ГОЛУБЫХ КРЫС

И ШИРКАЧА, ПРИЧЕСЛЕГЕТО МЕЛЮК

Старьевщик Хабакук отправился домой. На сегодня он работать кончил. Солнце зашло. Зажглись уличные фонари. На ночную работу вышли воры-домушники. Честному старьевщику не след в такое время стучаться в дом, говоря: «Старье берем» или «Старье берем, бутылки, кости», а может быть даже «Старье берем, бутылки, кости, старое железо, медь, латунь, старые башмаки, все, что сносилось, все, что не нужно, старое тряпье, куртки, брюки, жилеты, всю поношенную рвань».

Да, старьевщик Хабакук шел домой. В мешке за спиной он тащил кучу старья, а поверх всего тряпья лежал старый жилет. Это был тот самый жилет, что Ясон Пьянчужка выбросил за дверь, а в его кармане притаился золотистый замшевый притягуч, обладающий силой.

Старьевщик Хабакук, как обычно, пришел домой, промочил глотку и съел целую тарелку рыбы – все как обычно. Потом он отправился в лачугу на заднем дворе, открыл мешок со старьем и вывалил из него все, чтобы разобраться, что к чему, как делал каждый вечер, когда открывал мешок со старьем и вываливал из него все, чтобы разобраться, что к чему.

Наконец он добрался до жилета с золотистым замшевым притягучем в кармашке. «Надену-ка я его – добрая вещь, – сказал он, разглядывая жилет, – удачное приобретение». Он сунул правую руку в правую пройму, левую руку в левую пройму, и вот он уже в старом жилете, который может еще

сойти за новый.

На следующее утро старьевщик Хабакук. поцеловал на прощанье жену, поцеловал на прощанье восемнадцатилетнюю дочь, поцеловал на прощанье девятнадцатилетнюю дочь. Он поцеловал их как всегда в спешке – и целуя, приговаривал: «Я буду скоро, если не еще скорее, а когда приду назад, то вернусь».

Вот он отправился на улицу, но стоило ему выйти из дома, как случилось нечто: на правом плече у него оказалась голубая крыса, а на левом – другая. Как он узнал об этом? Посмотрел – и увидел.

Они были прямо тут, у самых его ушей, и слегка щекотали их кончиками усов.

«Сколько лет уже старьевщик, а такого со мной не случилось, – сказал он. – Две голубые крысы сидят у самых моих ушей и ничего не скажут, хотя знают, что я только и жду, не промолвят ли они хоть словечко».

Косясь правым глазом на крысу, сидевшую на правом плече, а левым – на крысу, сидевшую на левом, старьевщик Хабакук прошел два квартала, три квартала, четыре квартала.

«Если бы я сидел у кого-то на плече, щекоча его ухо своими усами, я бы что-нибудь сказал тому, кто хочет послушать», – бормотал он.

Конечно, он не понял, что дело в золотистом замшевом притягуче и его силе. В глубине жилетного кармашка золотистый замшевый притягуч говорил: «В твоём имени два

„к“, поэтому У тебя на плечах будут две крысы, одна голубая крыса у правого уха, другая – у левого».

Хорошенькое дельце – никогда раньше старьевщик Хабакук не получал столько старья.

«Заходите снова – и ты, и твои счастливые голубые крысы», – говорили ему люди. Они рылись в кладовках и на чердаках и выносили ему бутылки и кости, медь и латунь, старые башмаки и одежду – куртки, брюки, жилеты.

Каждое утро, когда он выходил на улицу, на его плечах сидели две голубые крысы, они подслеповато шурились и шевелили усами, так что те слегка щекотали уши старого Хабаку-ка. Навстречу ему из парадных дверей выбегали женщины, они смотрели на него и восклицали: «Что за странный и таинственный старьевщик и что за странные и таинственные голубые крысы!»

Золотистый замшевый притягуч действовал все время: «Пока старый Хабакук носит крыс на плечах, удача его не покинет. Но стоит ему продать одну крысу, его дочь выйдет замуж за таксиста, стоит ему продать другую крысу, вторая дочь выйдет замуж за киноактера».

Настал ужасный день – появился циркач. «Я дам тебе тысячу долларов наличными за одну голубую крысу, – начал он уговаривать старика. – Я дам тебе две тысячи долларов наличными за двух голубых крыс разом.»

«Покажи мне, сколько это – две тысячи наличными, одной кучей, такой, чтобы человек мог отнести их домой в мешке

для старья», – вот что ответил старьевщик Хабакук.

Циркач отправился в банк и вернулся с зелененькими бумажками.

«Зелененькие делаются из лучшего шелкового тряпья правительством страны для того, чтобы дела процветали», – продолжал уговаривать циркач.

«Л-у-ч-ш-е-е ш-е-л-к-о-в-о-е т-р-я-п-ь-е», – разглагольствовал он, размахивая пальцем под носом у старьевщика.

«Я их возьму, – сказал старьевщик Хабакук, – я их возьму. Целый мешок зелененьких бумажек. Я скажу жене, что они напечатаны правительством страны для того, чтобы дела процветали».

Потом он поцеловал голубых крыс, одну в правое ухо, другую в левое, и передал их циркачу.

Потому-то в следующем же месяце его восемнадцатилетняя дочь вышла замуж за таксиста, который был так вежлив с пассажирами, что ему просто не хватало времени быть вежливым с женой.

Потому-то его девятнадцатилетняя дочь вышла замуж за киноактера, который столько трудился для того, чтобы быть красивым и обаятельным в кино, что у него просто не хватало времени быть таким же, когда он возвращается с работы домой.

А счастливый жилет с золотистым замшевым притягучем украл у старьевщика Хабакука зять-таксист.

4. Четыре истории о трагической тайне темной тропы

КТО ШЁЛ

В СВАДЕБНОЙ ПРОЦЕССИИ
ТЯПИЧНОЙ КУКЛЫ И
ВЕНИКА

У Тряпичной Куклы было множество друзей. И Веник, и Совок для Угля, и Кофейник очень любили Тряпичную Куклу.

Но решив выйти замуж, она выбрала того, кто нашел ей глаза.

Один милый, но очень невнимательный ребенок стукнул куклу головой о дверь и разбил оба пришитых в незапамятные времена стеклянных глаза. Тогда-то Веник и нашел две калифорнийские черносливины и прикрепил их как раз туда, где должны быть глаза. Теперь у Тряпичной Куклы было два новехоньких черных глаза, и некоторые даже прозвали ее за это Черноглазкой.

Что за свадьба была у Тряпичной Куклы с Веником! Роскошная свадьба с роскошной свадебной процессией, ни у одной тряпичной куклы такой не было. Не говоря уже ни об одном венике.

Кто же вышагивал в этой процессии? Самыми первыми шли Облизыватели тарелок. Что они несли с собой? Кто блюдце, кто мелкую тарелку, а кто и глубокую. А что было в тарелках? У кого пенки от варенья, у кого подливка, у кого ванильная помадка. У одних сладкие лакомства, у других – кое-что посущественней. Вышагивая в свадебной процессии Тряпичной Куклы и Веника, они вылизывали тарелки, гордо оглядывались по сторонам и снова вылизывали.

За ними выступали Стучальщики по жестянкам. У них в

руках были сковородки и кастрюльки, а у некоторых – целые противни. Кастрюльки были жестяные с жестяными доньшками, и они стучали по доньшкам, кто ножом, кто вилкой, кто утюгом, а кто и деревянной толкушкой. Так они вышагивали в свадебной процессии Тряпичной Куклы и Веника, стуча по жестянкам, гордо оглядываясь вокруг и снова стуча по жестянкам.

За ними шли Шоколадные Подбородки. Они ели шоколад, и у них все подбородки были в шоколаде. У одних в горьком шоколаде были измазаны даже носы, у других потеки молочного шоколада доходили до ушей. Так они вышагивали в свадебной процессии Тряпичной Куклы и Веника, задрав подбородки и гордо оглядываясь вокруг.

За ними двигались Грязные Фартучки. Фартучки были простые белые, в горошек и в полоску, голубые и с бабочками. Но все они были грязные. И простые белые, и в горошек, и в полоску, и голубые, и с бабочками – все они были грязные. Так вышагивали в свадебной процессии Тряпичной Куклы и Веника Грязные Фартучки, захватанные грязными пальчиками, гордо оглядывались вокруг и смеялись, и снова гордо оглядывались вокруг и смеялись.

За ними выступали Чистые Уши. Они ужасно гордились своей чистотой. Никто не знал, как они попали в процессию. Они были вымыты не только снаружи, но и внутри. Ни снаружи, ни внутри на них не было ни следа ни грязи, ни пыли, ни какого-либо иного беспорядка. Они шли в процессии

Тряпичной Куклы и Веника, шевеля ушами, гордо оглядываясь вокруг и снова шевеля ушами.

Следующими в процессии были Боящиеся Щекотки. Лица их сияли, щеки лоснились, гладкие, как куски мыла. У них были крепкие кости, а на костях вдоволь мяса и жира. Казалось, они говорили: «Не щекочи меня, я так боюсь щекотки». Шагая в свадебной процессии Тряпичной Куклы и Веника, они щекотали друг друга и смеялись, гордо оглядывались вокруг и снова щекотали друг друга.

Музыкой заведовали Певцы с кашей во рту. Они шли с котелками каши и большими ложками. Они причмокивали, чавкали и сопели, и шум, который они издавали, был слышен даже в голове процессии, где шагали Вылизыватели тарелок. Они зачерпывали ложками кашу, гордо оглядывались вокруг и снова зачерпывали кашу.

За ними шли Упитанные Крепыши. Они были крепенькие, кругленькие, смачненькие и сочненькие. Они не были жирными – нет, нет – не жирными, а упитанными, и их так и хотелось потискать. Они шагали на упитанных ножках, питались и упитывались, упитанно оглядывались вокруг и снова питались.

Последними в свадебной процессии Тряпичной Куклы и Веника были Сонные головушки. Они были страшно довольны, что идут в процессии, они улыбались, но головы их клонились долу, улыбки наполовину пропадали, а глаза были полуприкрыты или даже прикрыты на три четверти. Они по-

шатывались на ходу, потому что ноги их не чувствовали, куда ступают. Так шли Сонные головушки, последние из всех в свадебной процессии Тряпичной Куклы и Веника, и вовсе ни на кого не глядели.

Великолепная процессия, не правда ли?

КАК СОВОК ШЛЯПНОГО
ПЕПЛА ПОМОГ СНИКИ-ВИКИ

Если хочешь вспомнить имена шестерых юных Хихикеров, вспоминай, что трех старших звали Блинк, Свинк и Джинк, а трех младших – Бланк, Сванк и Джанк. Однажды в конце января трое старших затеяли ссору с тремя младшими. Поссорились они из-за новой шляпы для Сники-Вики, снеговика, из-за того, какую ему носить шляпу и как ему ее носить. Блинк, Свинк и Джинк говорили: «Он хочет носить кривую шляпу прямо», а Бланк, Сванк и Джанк говорили: «Он хочет носить прямую шляпу криво». Они ссорились и ссорились. Блинк ссорился с Бланком, Свинк ссорился со Сванком, а Джинк ссорился с Джанком. Первыми опомнились Джинк и Джанк. Они придумали, как прекратить ссору. «Пусть он носит кривую шляпу криво», – сказал Джинк. «Нет, пусть он носит прямую шляпу прямо», – сказал Джанк. Они стояли друг против друга, глядя друг другу прямо в смеющиеся глаза и твердя наперебой: «Пусть у него будут две шляпы, кривая, надетая криво, и прямая, надетая прямо».

Они бросились на поиск шляп. Как назло, вокруг не было ни одной шляпы, ни одной большой шляпы, что годилась бы снеговика с такой большой головой, как у Сники-Вики. Они пошли домой и попросили у мамы совок шляпного пепла. Конечно, большинство других мам забеспокоилось, если бы шестеро детей влетели, топоча, грохоча и хлопая дверьми, и все вместе выпалили бы: «Где совок шляпного пепла?» Но Матушка Хихикер не забеспокоилась. Она почесала в затыл-

ке и спокойно ответила: «О-ля-ля, где же этот совок шляпного пепла? На прошлой неделе я брала его, когда делала шляпу мистеру Хихикеру, помнится, я положила его прямо сюда, на часы, о-ля-ля, о-ля-ля. Выйди-ка, позвони в дверной звонок», – сказала она Джинку. Джинк выбежал за дверь, а Матушка Хихикер и пятеро детей ждали. Дзинь-дзинь, зазвенел звонок, и вот открылась дверца часов и оттуда выпал совок шляпного пепла. «О-ля-ля, о-ля-ля, вот куда его засунули в спешке», – сказала Матушка Хихикер. Детишки выбежали и накопили совком огромную кучу шляпного пепла. Они сделали Сники-Вики две шляпы, одну кривую, другую прямую. Они надели кривую шляпу криво, а прямую прямо. Сники-Вики стоял перед домом, и кто бы ни проходил по улице, он снимал перед ним шляпу, кривую шляпу, скривив руку, а прямую шляпу – выпрямив. Так кончилась ссора между детишками, и прекратили ее Джинк, младший из старших, и Джанк, младший из младших, взглянув друг другу прямо в глаза и рассмеявшись. Если ты когда-нибудь с кем-нибудь поссоришься, постарайся сделать то же самое.

ТРИ МАЛЬЧИКА С КУВШИНАМИ ПАТОКИ И ТАЙНЫМИ СТРЕМЛЕНИЯМИ

В Печенка-с-луком-сити *один* мальчик, идущий в лавку за патокой – дело обычное. *Два* мальчика, идущие в лавку за патокой, тоже дело обычное. Но три мальчика, каждый поодиночке, а потом все вместе, идущие в лавку за патокой – дело весьма, весьма необычное.

Ета Пета Пай рос мечтателем, и мечты в нем не дремали. Каждая мечта в нем оборачивалась веснушкой на нем. Когда он улыбался улыбка скользила по его лицу и пряталась в мечтательных веснушках.

Минни Май рос полным предчувствий, и предчувствия в нем не дремали. Предчувствия мелькали в его глазах и срывались с его губ. Когда он смотрел людям прямо в лицо, они обычно говорили: «Минни Май на вид такой грустный, что даже не понятно, удастся ли ему выкрутиться».

Майни Мо был совсем другой. Он не был грустным и полным предчувствий, как Минни Май. В нем не было столько мечтаний, а на нем не было столько веснушек, как на Ета Пета Пае. В нем перемешались мечты и предчувствия. Поэтому он был слегка веснушчатым и немножко грустным. Когда он смотрел людям в лицо, они обычно говорили: «Даже и не знаем, что нам – плакать или смеяться?»

Вот такие они были, три мальчика, полные мечтаний, полные предчувствий, и одновременно предчувствий и мечтаний. Все трое отличались друг от друга, но одно у них было одинаковое – их самое тайное стремление.

А стремление как мышь день и ночь скребется в твоём сердце, напевая короткую песенку: *«Ищи меня, ищи меня»*.

Тайное стремление Ета Пета Пая, Минни Мая и Майни Мо было такое – день и ночь, много-много лет подряд, ездить по железной дороге, мчаться в железнодорожном вагоне. Паровозные свистки и стук колес казались им лучшей музыкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.